

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФАКТОРОВ ВИКТИМИЗАЦИИ БЕЛОРУСОВ И РОССИЯН

М.А. Одинцова

Обоснована необходимость проведения исследования субъективных факторов виктимизации россиян и белорусов (индивидуально-психологические особенности людей, влияющие на их способность к адаптации в различных условиях жизнедеятельности): типа ролевой виктимности, жизнестойкости, смысложизненных ориентаций, уровня сформированности тех или иных преодолевающих стратегий поведения. Сделан анализ научных разработок, в той или иной степени освещающих объективные факторы виктимизации белорусов и россиян, к которым отнесены этнокультурные условия, особенности исторического развития, социальной, экономической и политической жизни народов. Учитывая, что субъективные виктимогенные факторы чувствительны к различным явлениям в общественной, социальной, экономической и политической жизни населения России и Белоруссии, сделан сравнительный анализ результатов трех этапов исследования, выполненных в 2009–2012 гг. через различные временные интервалы. Прослежены возможные системные проявления некоторых сторон виктимности у белорусов и россиян. В статье представлены результаты эмпирического изучения субъективных факторов виктимизации (на материале исследования сбалансированной выборки 580 жителей Москвы и Минска).

Ключевые слова: жертва, виктимизация, субъективные факторы виктимизации, объективные макро- и микрофакторы виктимизации.

Вопросы виктимизации детально разрабатываются в рамках криминологии, виктимологии [26]; педагогики [19]; кризисной психологии [25]. Проблема этнической виктимизации освещена в разработках А.И. Миллера, А.В. Мудрика [18, 19]. Виктимизация (от лат. *victima* – жертва) в узком смысле рассматривается как процесс и результат превращения лица в жертву преступных посягательств [26]. В клинической социологии данное понятие наделяется характеристиками «культурно-генетической» и «социогенетической» природы и связывается с дефицитарной социализацией, приводящей к психоэмоциональному неблагополучию, дезадаптации, социальной деструкции личности, создающей «культурогенный виктим» [27]. В социальной педагогике дается расширительное толкование исследуемого явления: «виктимизация – это процесс и результат превращения человека или группы людей в тот или иной тип жертвы неблагоприятных условий социализации» [19].

К неблагоприятным условиям социализации, способствующим появлению того или иного типа жертвы, относят широкий круг явлений. Опираясь на существующие классификации [19, 26] при исследовании проблемы

виктимизации этнических групп, следует рассмотреть:

- объективные факторы, к которым можно отнести особенности исторического развития, этнокультурные условия, особенности социальной, экономической и политической жизни народов;
- мезофакторы виктимизации – этническое самосознание, специфика национального характера;
- субъективные факторы виктимизации, к которым относят психологические свойства людей, влияющие на их способность к адаптации.

Объективным факторам виктимизации как своеобразному индикатору виктимности людей, позволяющему выявить потенциальных жертв, в научной литературе уделяется достаточно внимания [19, 26]. Мезофакторы виктимизации также вызывают интерес у исследователей [5, 10, 30]. Субъективные факторы виктимизации являются мало доступными для изучения, скрытыми, а потому более трудоемкими для исследований. Возможно, поэтому в научной литературе представлено не так много исследований субъективных факторов виктимизации различных этнических групп. Не обнаружено исследований

сравнительного характера, в частности, особенностей виктимизации двух родственных славянских народов: белорусов и россиян.

Целью данной работы является обобщающий психологический анализ факторов виктимизации белорусов и россиян.

Исследование проводилось среди жителей двух мегаполисов: столицы России г. Москвы и столицы Белоруссии г. Минска в течение трех лет в несколько этапов: первый – в 2009–2010 г.г. (объем выборки исследования $N_1 = 525$); второй – в 2010–2011 гг. ($N_2 = 428$); третий – в 2011–2012 гг. ($N_3 = 345$). При окончательном формировании выборки по всем трем этапам исследования (совокупной выборки) на первом этапе в нее были включены 107 белорусов и 107 россиян, на втором этапе ее дополнили 85 белорусов и 85 россиян; на третьем этапе – 98 белорусов и столько же россиян. Общий объем сбалансированной выборки – 580 человек. Вся выборка в целом была сбалансирована по полу, возрасту, профессиональным предпочтениям, национальности. Диапазон возраста участников исследования составил от 18 до 52 лет (средний возраст – 28 лет).

Для исследования субъективных факторов виктимизации белорусов и россиян использовались следующие методики: опросник «Тип ролевой виктимности» [22]; тест жизнестойкости [14]; тест смысложизненных ориентаций [15]; опросник «Типы поведения и реакций в стрессовых ситуациях» [12]; опросник локуса контроля [13]. На третьем исследовательском этапе был введен тест «Маркеры факторов „Большой пятерки“» (МФБП) [8]. Опросники предъявлялись как индивидуально, так и в небольших группах.

Результаты обследуемых в выборках сравнивались между собой по всем показателям используемых методик. Для обработки результатов использовались статистические методы обработки данных в компьютерном пакете статистических программ STATISTICA ver.8.

Результаты исследования

Результаты первых двух исследовательских этапов отражены в более ранних публикациях автора [21, 22]. В настоящей статье используются данные, полученные на третьем этапе исследования. По результатам этого этапа были выявлены значимые различия у белорусов и россиян в показателях проявления «игровой роли жертвы» ($p = 0,034$). При этом в поведении белорусов в большей мере выражена игровая роль жертвы как единица анализа добровольных, взаимовыгодных, лег-

ко принимаемых членами межличностного взаимодействия ролевых отношений, детерминированных сложным сочетанием разнообразных форм виктимной активности (среди которых инфантильность, манипулятивность, зависимость, некритичность, беспомощность и др.), имеющих в своей основе скрытую мотивацию и гармонично вписывающихся в проигрываемую ситуацию. Эти результаты согласуются с данными, полученными нами в исследовании, проведенном в 2009 г. (достоверные различия по t -критерию Стьюдента получены на уровне значимости $p = 0,02$ [21]), и данными, полученными на втором этапе исследования – в 2010 г. ($p = 0,04$) [23]; а также при пересчете данных по совокупной выборке ($N = 580$) ($p = 0,000$).

Игровая роль жертвы через эмоционально-когнитивный процесс идентификации себя с жертвой приводит к усвоению личностных смыслов последней и в некоторой степени может повлиять на формирование «менталитета жертвы». «Несчастный», «многострадальный», «пострадавший» – только небольшая часть стереотипов, которые внедряются в сознание через средства массовой информации и лишь закрепляют игровую роль жертвы в поведении белорусов. Менталитет жертвы можно считать продуктом Великой Отечественной войны [4], Чернобыльской аварии [28], а также характера государственной власти, сформировавшейся в настоящее время в Белоруссии [6, 7, 17]. Этот перечень включает лишь немногие неблагоприятные условия социализации, являющиеся специфическими виктимогенными факторами, формирующими менталитет жертвы у белорусов. Современные трансформационные процессы в социальной, экономической и политической жизни белорусов лишь усиливают виктимность, которая проявляется в различных формах: это может быть игровая роль жертвы, позиция жертвы и др.

Позиция жертвы как закрепившаяся игровая роль, вбирающая в себя установки, свойственные «жертве», является целостной интегративной характеристикой образа жизни людей, которые полностью приняли данную роль и по-другому жить не умеют. Результаты второго этапа исследования продемонстрировали наличие значимых различий по шкале «позиция жертвы» ($p = 0,050$) у обследованных белорусов и россиян [22]. Аналогичные по характеру данные были получены и по совокупной выборке.

Игровая роль жертвы и позиция жертвы представляют собой две стороны одного явления, характеризующегося конвенциональностью,

идентификацией с другими людьми, прибегающими к подобной роли, с символом или образом на основании установившихся эмоциональных связей, включения их в свой внутренний мир, принятия их как собственных норм, ценностей. Поэтому можно предположить, что выявленные различия между белорусами и россиянами по шкале «позиция жертвы» не являются случайными. Игровая роль и позиция жертвы становятся выгодными, а потому легко принимаемыми. Еще в исследованиях Э. Крепелина было подмечено, что некоторые люди, переживающие трудные ситуации, придерживаются рентных установок: «Я – пострадавший, и мне должны!» [11]. Рентные установки как особое состояние готовности к специфической реакции получения выгоды (материальной либо моральной) из своего неблагоприятного положения возникают на фоне необоснованной помощи со стороны микро- и макроокружения. Белорусское государство, по меткому замечанию А. Пикулика, называют «государством-рантье» [24], которое ориентировано на утилитарный подход к своему бедственному положению, на позиционирование себя пострадавшим и беспомощным. Такая позиция не может не отразиться на психологии белорусского народа.

В противовес этому о российском народе сформированы представления как «народ-победители» [4]. Анализ социологических исследований российской действительности свидетельствует, что за последние десять лет в России произошла реальная революция в социальном, экономическом, политическом, мировоззренческом обустройстве многих россиян. По убеждению В.А. Тишкова, сегодняшние «позитивные социально-культурные перемены не имеют аналогов в истории России» [32, с. 406]. В поддержку этого мнения В.В. Петухов пишет: «Россия «нулевых» уверенно вышла на траекторию стабильного экономического и социального развития, и многие страхи, которые довели над страной 10–15 лет назад – опасения распада страны, гражданской войны, экономического коллапса – остались в прошлом» [23, с. 47]. На обломках бывшего Советского Союза появилась «новая Россия» – свободная и независимая великая страна.

В отличие от этого можно привести точку зрения, что в Белоруссии при сохранении системы с доминированием принуждения и послушания перемены произойдут еще не скоро [6, 7, 29], поскольку «народ заставили бояться и молчать» [17, с. 43]. Белорусам свойственно в большей степени, чем россиянам оста-

ваться пассивными и беспомощными наблюдателями за происходящим. В сложившейся ситуации они просто не в состоянии что-либо менять.

Для более точного и глубокого анализа субъективных причин виктимизации белорусов и россиян проводилось сравнение показателей по шкалам «вовлеченности», «контроля» и «принятия риска» теста жизнестойкости. На первом этапе исследования значимых различий между результатами обследования белорусов и россиян не выявлено ни по всем шкалам теста жизнестойкости, ни по общему уровню жизнестойкости [21]. Полученные на втором исследовательском этапе (2010–2011 гг.) данные свидетельствуют о явных различиях по шкалам «вовлеченность» ($p = 0,05$) и «принятие риска» ($p = 0,024$) и по общему показателю жизнестойкости ($p = 0,024$) в выборках россиян и белорусов [22]. Результаты третьего этапа исследования (2011 г.) также демонстрируют значимые различия между белорусами и россиянами по показателю «принятие риска» ($p = 0,027$). Кроме того, достоверные различия были получены и в обследованных совокупных выборках белорусов и россиян ($p < 0,001$ по t -критерию Стьюдента). Белорусам в большей степени, чем россиянам свойственно стремление к комфорту и безопасности, мечты о размеренной спокойной жизни. Полученные нами данные подтверждаются результатами исследований Е.В. Беляевой и С.А. Шавель [2, 31], в которых показано, что инициативность, умение рисковать действительно не получают достаточного выражения в самооценках белорусов.

Возможно, причиной стойких различий по шкале «готовность к риску» у белорусов и русских является недостаточно развитый уровень национального самосознания белорусов (мезофакторы виктимизации). По мнению М. Нордберг, Т. Кузио, уровень развития национального самосознания определяет степень возможной мобилизации общества для достижения независимости и преодоления неизбежных трудностей перехода к независимости [20]. Страны, в которых население характеризуется развитой национальной идентичностью, эффективнее преодолевают трудности самостоятельного существования. Фактор «воли народа, готовность перетерпеть» [20], готовность идти на риск даже в условиях неочевидности успеха оказывается важнее объективных факторов, например, наличия экономических ресурсов и прочее. Белорусский народ в этом отношении уступает многим народам

постсоветского пространства, он «не выдержал испытаний независимостью» [20].

Анализ результатов обследования по методике «Локус контроля», проведенного на первом и третьем исследовательских этапах, позволил выявить значимые различия по показателю «готовность к деятельности, связанной с преодолением трудностей» в белорусской и российской выборках ($p = 0,031$ и $p = 0,031$ соответственно). Данные по совокупной выборке подтвердили эти различия ($p = 0,030$). В дополнение к этому, наше исследование показало, что в стрессовых ситуациях белорусы чаще россиян ($p = 0,039$) прибегают к неадаптивной копинг-стратегии, ориентированной на эмоции и частично адаптивной копинг-стрессовой поведенческой стратегии избегания ($p = 0,010$). Результаты второго и третьего исследовательских этапов показывают, что большинство белорусов в стрессовых ситуациях действительно выбирают стратегию избегания трудностей ($p = 0,048$ и $p = 0,000$ соответственно). Результаты по совокупной выборке свидетельствуют о наличии значимых различий между белорусами и россиянами в предпочтении частично адаптивных и неадаптивных копингов, ориентированных на эмоции ($p = 0,042$), а также копингов, ориентированных на избегание ($p = 0,000$). При этом россияне чаще белорусов прибегают к копингам, ориентированным на задачу. Результаты изучения копинг-стратегий показывают, что предпочтение ориентированных на задачу копингов является лучшим способом взаимодействия со стрессовыми событиями. Выбор избегающих стратегий является неконструктивным ответом на стрессы жизни и способствует дезадаптации [12]. Стойкое использование именно такой стратегии белорусами детерминировано недостаточностью развития у них некоторых личностных ресурсов (неготовность к риску, неготовность к деятельности, связанной с преодолением трудностей, использование игровой роли жертвы) и средовых копинг-ресурсов (неблагоприятные социально-экономические и политические условия). Полученные в нашем исследовании данные подтверждаются исследованием М.М. Колонтай [9]. «В Белоруссии ярко выражена коллективистская, с высоким неприятием неопределенности, женственная культура...», – пишет автор, объясняя этим многие явления в настроениях людей (пассивные ожидания, бесплодные надежды, патерналистские установки, недостаточная личная ответственность за решение проблем и др.), и предполагает, что именно в этом заключается одна из причин

бедности страны и медленное движение ее в сторону улучшений [9]. Неприятие неопределенности, боязнь рисковать, стремление к избеганию, стремление вернуться в прошлое приводит к стагнации и регрессу. Общество, по замечанию П. Рудковского, может приобрести статус «склеротичнага грамадства» (склеротичного общества) [7, с. 140], с «дофенистскими» настроениями («до фени мне все это») [1, с. 28]. Белорусам очень не хватает предприимчивости, в то время как созерцательности и стремлений к медленным переменам – у них явно в избытке [9].

Вместе с тем дополнительное включение теста большой пятерки в психодиагностическую батарею на последнем исследовательском этапе позволило уточнить некоторые особенности национального характера белорусов. Так, по шкале «сознательность» белорусы имеют более высокие баллы, чем россияне. Белорусы в большей степени ($p = 0,013$), чем россияне, обращают внимание на детали, не откладывают повседневные дела, любят порядок, систематичность, они не пренебрегают своими обязанностями, достаточно требовательны к себе и своей работе, тщательно распределяют время. Все начатые дела доводят до конца, добиваются совершенства во всем том, за что берутся. Исследования субъективных оценок национального характера показывают, что такого рода качества в национальном характере белорусов выражены сильнее, чем в характере русских [5, с. 61–64]. В частности, отмечается что национальный характер белорусов мягкий и женственный, им свойственна «памяркоўнасць» (рассудительность), сознательность, любовь к порядку, «цярплівасць» (терпение), в отличие от национального характера русских.

Кроме этого, у белорусов отмечается трудность в их этнонациональной идентификации. Белорусы идентифицируют себя с «ту-тэйшасцю» (местностью), а не с национальностью [30]. Это позволяет считать белорусский народ «денационализированным», лишенным национальной идентичности, своего языка, что способствует низкому уровню развития потенциала нации [3, 6, 7, 30]. На белорусском языке, по официальным данным, говорят лишь 23 % белорусов [32, с. 459]. Отношение к белорусскому языку сформировано как к языку «деревенскому», как к определенной девиации от «правильного», русского языка [3]. Однако существует мнение о том, что белорусская идентичность все же может состояться как идентичность космополитическая [16, с. 91–92]. Уже «само наложение различных культурных потоков в Беларуси дела-

ет перспективным... строительство космополиса под названием „Беларусь“. Именно космополитизм в современном фрагментированном мире может стать основой согласования многообразных идентичностей, поскольку за ним скрыт принцип изначального равенства всех людей» [16].

Таким образом, проведенное исследование объективных, мезо- и субъективных факторов виктимизации белорусов и россиян позволило сделать следующие выводы:

1. К объективным факторам виктимизации белорусов и россиян можно отнести особенности исторического развития, социальной, экономической и политической жизни двух народов. Россияне преодолели двадцатилетний рубеж самостоятельного существования и вышли на более высокий уровень своего развития. В Белоруссии существующая система блокирует активность, формирует безразличие, покорность и создает благоприятные условия для поддержания синдрома «жертвы» в белорусах. Одновременно с этим белорусы отличаются сознательностью, стремлением к порядку, ответственностью.

2. К мезофакторам виктимизации белорусов и россиян можно отнести характер народа. В национальном характере белорусов выделяется трудолюбие, доброта, сердечность, сострадательность, духовность, обязательность, коллективизм, аккуратность, сознательность. Типичный русский – это личность, которая редко испытывает депрессию или чувство неполноценности. Это волевой, поспешный в речи и в принятии решений, доминирующий, открытый человек [10].

3. Анализ субъективных факторов виктимизации белорусов и россиян показал, что игровая роль жертвы становится «излюбленным» способом адаптации белорусов, в отличие от россиян. Подобная адаптация носит, несколько консервативный и регрессивный характер, приводя к стагнации личностных ресурсов, блокированию стремления к более высокому уровню и качеству жизни. Заметнее вырисовываются черты виктимности белорусов (страх неопределенности, боязнь рисковать; избегание; нежелание действовать, проявлять активность и инициативу; эмоциональное реагирование на трудности и т. п.). В результате этого в популяции происходит активизация рентных установок, выражающихся в утилитарном подходе к своему бедственному положению, в ощущении себя пострадавшими и беспомощными, в фокусировании психической активности на страданиях, в пассивности. Вместе с тем адаптация белорусов через игровую роль жертвы исторически и

психологически вполне оправданна, потому что позволяет белорусскому народу «выживать» в любых условиях, помогает избежать дезорганизации, нестабильности неустойчивости и непоследовательности в их жизни.

Таким образом, проведенный психологический анализ объективных, мезо- и субъективных факторов виктимизации белорусов и россиян позволил рассмотреть проблему комплексно и обозначить перспективные направления исследований виктимизации славянских народов постсоветского пространства.

Литература

1. Бабосов, Е.М. Структурные модели адаптации индивидов и групп к трансформациям постсоветского общества / Е.М. Бабосов // *Беларусь и Россия: социальная сфера и социокультурная динамика: сб. науч. тр.* – Минск: ИАЦ, 2008. – С. 11–30.
2. Беляева, Е.В. Выбор между традицией и модерном не есть нравственный выбор / Е.В. Беляева // *Ведомости прикладной этики.* – 2011. – № 38. – С. 12–24.
3. Браточкин, А. Проблема «языка» в Белоруссии / А. Браточкин. – <http://belintellectuals.eu/publications/314/>
4. Вдовин, А.И. Россия и русский народ в школьных учебниках истории бывших республик СССР / А.И. Вдовин // *Мир и политика.* – 2010. – № 5 (44). – С. 76–83.
5. Гатальская, Г.В. Психологический анализ авто- и гетеростереотипов белорусов / Г.В. Гатальская, Н.М. Ткач // *Теоретические проблемы этнической и кросс-культурной психологии.* – Смоленск: Универсум, 2010. – С. 61–64.
6. Дубянецкий, Э. Понемногу исчезают черты рабства. Менталитет белорусов: попытка историко-психологического анализа / Э. Дубянецкий // *Белорусская думка.* – 1993. – № 6. – С. 29–34.
7. Европейская перспектива Беларуси: интеллектуальные модели / сост. О. Шпарага. – Вильнюс: ЕГУ, 2007. – 280 с.
8. Князев, Г.Г. Валидизация русскоязычной версии опросника Л. Голдберга «Маркеры факторов «Большой пятерки»» / Г.Г. Князев, Л.Г. Митрофанова, В.А. Бочаров // *Психологический журнал.* – 2010. – Т. 31, № 5. – С. 100–110.
9. Колонтай, М.М. Влияние национальных культур на становление и развитие менеджмента в разных странах / М.М. Колонтай // *Квартальный бюллетень клуба экономистов.* – Минск.: ПроPILEI, 1999. – С. 2–12.
10. Конструирование национального характера: свойства личности, приписываемые

- типичному русскому / Ю. Аллик, Р. Мыттус, А. Реало и др. // *Культурно-историческая психология*. – 2009. – № 1. – С. 2–18.
11. Крепелин, Э. Введение в психиатрическую клинику / Э. Крепелин. – М.: БИНОМ, 2007. – 493 с.
12. Крюкова, Т.Л. Методология исследования и адаптация опросника диагностики совладающего (копинг) поведения / Т.Л. Крюкова // *Психологическая диагностика*. – 2005. – № 2. – С. 65–75.
13. Ксенофонтова, Е.Г. Исследование локализации контроля личности – новая версия методики «Уровень субъективного контроля» / Е.Г. Ксенофонтова // *Психологический журнал*. – 1999. – №2 (Т. 20). – С. 103–114.
14. Леонтьев, Д.Н. Тест жизнестойкости / Д.Н. Леонтьев, Е.И. Рассказова. – М.: Смысл, 2006. – 63 с.
15. Леонтьев, Д.А. Тест смысложизненных ориентации / Д.А. Леонтьев. М.: Смысл, 2000. – 18 с.
16. Миненков, Г. Космополитизм и космополитическая идентичность: практики интерпретации / Г. Миненков. – <http://neuroeurope.eu/content/?p=1439>.
17. Миненков, Г. «Отморозки» или как рождается гражданская идентичность / Г. Миненков // *Топос*. – 2006. – № 2 (13). – С. 25–45.
18. Миллер, А.И. Империя Романовых и национализм / А.И. Миллер. – М.: Изд-во «Новое литературное обозрение», 2006. – 248 с.
19. Мудрик, А.В. Социальная педагогика: учеб. для студентов пед. вузов / А.В. Мудрик. – М.: Издат. центр «Академия», 2000. – 200 с.
20. Нордберг, М. Построение наций и государств. Историческое наследие и национальные самосознания в Белоруссии и Украине / М. Нордберг, Т. Кузио // *Белоруссия и Россия: общества и государства*. – М.: Права человека, 1998. – С. 376–392.
21. Одинцова, М.А. Преодолевающие стратегии поведения белорусов и россиян / М.А. Одинцова, Е.М. Семенова // *Культурно-историческая психология*. – 2011. – № 3. – С. 75–81.
22. Одинцова, М.А. Субъективные и объективные факторы виктимизации россиян и белорусов / М.А. Одинцова // *Психологические исследования*. – 2012. – № 1(21). – <http://psystudy.ru>
23. Петухов В.В. Кризис и динамика социальных настроений / В.В. Петухов // *Мир России*. 2010. – № 1. – С. 45–66.
24. Пикулик, А. Беларусь как государство-рантье. От плана к плану / А. Пикулик. – <http://nmnby.eu/Old/pub/0706/26m.html>
25. Решетников, М.М. Психическая травма / М.М. Решетников. – СПб.: Восточно-европейский институт психоанализа. 2006. – 322 с.
26. Ривман, В.Д. Криминальная виктимология / В.Д. Ривман. – СПб.: Питер, 2002. – 304 с.
27. Руденский, Е.В. Социальное разъединение общества в качестве фактора виктимизации / Е.В. Руденский, Ю.Е. Руденская. – 2006. – № 2. – http://www.ngmu.ru/cozom/article/text_full.php?id=71.
28. Саенко, Ю.И. Постчернобыльская фаза пострадавших: самоспасение, саморевитализация, самозащита, самосохранение / Ю.И. Саенко. – Киев, 1999. – С. 473–490.
29. Титаренко, Л.Г. «Парадоксальный белорус»: противоречия массового сознания / Л.Г. Титаренко // *Социологические исследования*. – 2003. – № 12. – С. 96–107.
30. Чернявская, Ю.Б. Пять парадоксов национального самосознания белорусов / Ю.Б. Чернявская. – <http://index.org.ru/journal/15/15-chern.html>
31. Шавель, С.А. Личностные качества – основа инновационного человеческого потенциала (эмпирико-социологическое исследование) / С.А. Шавель // *Социология*. – 2010. – № 4. – С. 68.
32. Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2010 году: ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / под. ред. В.А. Тишкова и В.В. Степанова. – М.: ИЭА РАН, 2011. – 513 с.

Поступила в редакцию 02.11.2012 г.

Одинцова Мария Антоновна. Кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики дистанционного обучения, Московский городской психолого-педагогический университет, г. Москва. E-mail: Mari505@mail.ru

Maria A. Odintsova. Candidate of psychological sciences, assistant professor, Moscow State University of Psychology & Education (MSUPE). E-mail: Mari505@mail.ru